

«Травиата»

в филиале Большого театра

У нас до сих пор распространена нелепая и вредная «традиция»: стоит заговорить о Верди, как сейчас же начинаются «умные» разглагольствования о «шармадной» музыке Верди, полупрезрительные намеки на ее чрезмерную популярность.

Казалось бы, давным давно пора отбросить представление о Верди, как о композиторе «нижнего ранга». Казалось бы, не к лицу советским музыкантам пренебрежительно отзываться о беспримечной популярности его музыки. И все же каждый раз это скрытое пренебрежение сквозит в рецензиях и статьях о Верди, о его «Травиате».

Об этом можно было бы и не говорить, если бы пренебрежение к Верди не было связано с рядом реакционных предрассудков относительно того, как следует на театре исполнять «Травиату» и другие оперы Верди. Ведь и поныне кое-кто склонен рассматривать оперу Верди как простой «костюмированный концерт», как набор разрозненных арий, дуэтов и ансамблей.

Новая премьера в филиале Большого театра еще раз доказывает, как несостоятелен этот взгляд на Верди. Спектакль «Травиата» еще раз убеждает в том, что эту оперу гениального музыкального драматурга нельзя «только» петь — ее нужно играть. Это вовсе не значит, что постановка «Травиаты» требует каких-либо особых кунштюков и режиссерских фокусов. Наоборот, чем проще играть «Травиату», тем лучше. Ибо играть «Травиату» — это прежде всего сценически ярко и образно раскрыть ее музыкально, это, если можно так выразиться, драматически пропеть «Травиату». Сцена и музыка слиты у Верди воедино, существуют нераздельно. Нельзя петь Верди, не переживая драматически ничего, не вживаясь в образ, не строя единого сквозного действия спектакля. И нельзя «драматически» играть «Травиату», не заботясь о том, чтобы передать в музыке происходящее на сцене. Драма должна быть передана в музыкальных образах оперы. Это трудно. Но без этого нет настоящего Верди, нет «Травиаты».

В новой постановке «Травиаты» допустили с самого начала серьезную ошибку. Она заключается именно в том, что музыка в этом спектакле существует отдельно от сцены. Дирижер Мелик-Пашаев и режиссер Квалиашвили работали врозь, каждый отвечал за «свое», — но так спектакля получиться не могло. И не получилось.

В трактовке музыки Верди два участника спектакля шли по правильной дороге. Это Мелик-Пашаев и Барсова. Мелик-Пашаев проделал замечательную работу над партией Верди, он не только очистил ее от фальшивых эффектов, от слезливой сентиментальности, традиционной «сладеющей» трактовки «Травиаты», он сумел подчеркнуть драматическую сущность этой музыки. Он увидел в «Травиате» монументальное реалистическое оперное произведение, драму больших страстей и сильных переживаний. При всей внимательнейшей проработке деталей, всех мельчайших особенностей партитуры Мелик-Пашаев никогда не забывает, однако, о целом. Он умеет «симфонически мыслить» и превосходно передает в оркестре масштабность и большое дыхание музыки Верди.

Но Мелик-Пашаева не поддержали в его работе ни режиссер, ни исполнители. Только, повторяем, одна Барсова сумела глубоко прочувствовать и ярко воплотить

образ Виолетты. Вся гамму переживаний своей героини Барсова замечательно передает не только чисто драматически, но и в своем пении. И радостно наблюдать, как Барсова, для которой образ Виолетты был исключительно трудным, блестяще провела свою роль. Не везде еще найден рисунок образа, не везде Барсова ровна, но в целом ее Виолетта — прекраснейшее, новое достижение талантлившей актрисы.

Судя по всему спектаклю, свою Виолетту Барсова создавала сама, — навряд ли можно предположить, что режиссура помогла ей здесь в чем-либо, ибо режиссер Квалиашвили показал себя беспомощным и робким мастером. Он не только не разобрался в музыкальной стороне спектакля, но даже в качестве «разводящего» оказался не на высоте — и в первом, и в третьем акте на сцене не мало сумятицы. А о трактовке главных персонажей вообще говорить нечего.

Роль Альфреда совершенно не удалась Лемешеву. По сцене ходит «шоколадный солдатик», а не Альфред Жермон. Вокально Лемешев также не овладел еще своей партией — она звучит у него бледно, тускло. Непонятно произошло в «Травиате» с Нордовым. То ли Норцов задумал старика Жермона показать законченным «злодеем», то ли чисто технически он не совладал с ролью. Но только образ отца он дает таким скованным, таким мертвенно статичным, что это было бы подстава для фигуры, скажем, командора из «Каменного гостя», но отнюдь не для Жермона.

Напрасно критика обошла молчанием исполнение эпизодической роли Гастона артистом Остроумовым. Среди бесчисленных и безликих гостей в первом и третьем действиях — это единственно живая, яркая и запоминающаяся фигура. Остроумов прекрасно играет, прекрасно держится на сцене; среди гостей у Виолетты и на балу у Флоры — он, что называется, «душа общества».

В заключение три недоуменных вопроса. Почему, принимаясь за новую постановку «Травиаты», Большой театр не пересмотрел старого текста оперы? Если даже и решено было этот текст оставить, то исправить стилистические нелепости перевода было необходимо.

Для «Травиаты» выдвинули нового для Большого театра режиссера. Это хорошо. Но почему в Большом театре так «узко» представляют себе задачу выдвинуть новых кадров? Выдвинуть нового певца, нового режиссера — вовсе не значит просто поручить им ответственное задание и тут же бросить на произвол судьбы. Молодому режиссеру, молодому актеру нужно помочь, нужно руководить ими.

И, наконец, последнее. Мелик-Пашаев превосходно, по-новому пытался музыкально раскрыть «Травиату». Но это относится исключительно к оркестру. За рампу Мелик-Пашаев не решился перешагнуть. Одна только Барсова нашла общий язык с дирижером. Но как же Мелик-Пашаев согласился на такого Альфреда, на такого отца Жермона? Почему так ограничена власть дирижера в «Травиате»? Или вопрос надо формулировать иначе: почему так безгранично попрежнему своеволие «премьеров» в Большом театре?

О том, какой непоправимый урон терпит от этого и театр, и сами премьеры, лишний раз можно судить по новой постановке «Травиаты».